

**ЮРИЙ
ВЛДОВ**

ЛЕТОПИСЬ

юрий влодов

Поэтическая библиотека
Серия основана в 1993 году

ЮРИЙ ВЛОДОВ

ЛЕТОПИСЬ

МОСКВА 2015

УДК 821.161.1-1
ББК 84Р7-5
В57

Оформление — *Дмитрий Минеев*
Составление — *Людмила Осокина*

Влодов Ю. А.

В57 *Летопись.* — М.: Время, 2015. — 128 с. — (Поэтическая библиотека).

ISBN 978-5-9691-1371-8

Юрий Влодов (1932—2009) — поэт огромного таланта и трагической судьбы. Путевку в поэтическое братство ему выдал Борис Пастернак, отметив, что каждое стихотворение тогда еще начинающего поэта «есть кирпич, заложенный в основание современной русскоязычной поэзии». Но на протяжении многих лет творчество Ю. Влодова было известно лишь узкому кругу литераторов и любителям поэзии, близкой к андеграунду. К читателю доходили нечастые публикации отдельных стихотворений и небольших подборок в периодике. И только в последнее десятилетие благодаря выходу в свет его книг («На семи холмах», 2009, «Люди и боги», 2012) происходит настоящее открытие мощного, многопланового, со своим неповторимым голосом поэта, о котором А. И. Солженицын сказал: «А что до поэтической школы, то она у него своя, что в литературе большая редкость». В сборник «Летопись» вошли военные стихи Юрия Влодова — сильные и самобытные, они, по мнению Равиля Бухараева, давно должны были бы попасть в антологии стихов о Великой Отечественной, а также исторические зарисовки, собранные в раздел «Портреты».

ISBN 978-5-9691-1371-8

9 785969 113718

ББК 84Р7-5

© Юрий Влодов, наследники, 2015

© «Время», 2015

Равиль Бухараев

«Я — ЖИЗНЬ ТВОЯ...»

В советские времена, отбиваясь от молодых и не слишком молодых стихотворцев, упорно разносивших свои рукописные и отпечатанные на пишущей машинке стихи по журнальным редакциям, поднаторевшие редакторы в один голос говорили: «Поэт — это в первую очередь биография!». После этого следовала рекомендация — податься в народ, чтобы впредь писать не «из книг», а «из жизни». Сама по себе эта рекомендация имела под собой безусловные основания — пишущий народ слишком часто принимает за дар Божий само желание «быть поэтом».

Однако разобраться в том, кто настоящий поэт, а кто стихотворец по выбору, так же непросто и сегодня, как это было в античные времена. Поэт не выбирает — быть ли ему откровенным в своей, сродни недугу, жалости к тварному миру — он просто не может иначе, даже если это чревато тем, что не поймут, а то и осудят люди, живущие по неписаным правилам той азартной игры, которую большинство считает жизнью. Как говорил вольнолюбивый Гекльберри Финн: «Будь у меня собака, такая же назойливая, как соевая, я бы ее отравил».

Каково же поэту среди легиона имитаторов, лихо изображающих всяческого рода откровенность; каково человеку,

который видит эту похотливую фальшь насквозь и всем своим существом осязает, что в подобной атмосфере и его выстрадавшие и, как всякая правда, губительные для собственного житейского благополучия слова могут быть приняты за имитацию?

Святые места
Беспределья и блуда.
Окликнешь Христа —
Отзовется Иуда.

Юрию Влодову не нужно было придумывать себе биографию, когда он впервые соприкоснулся с миром профессиональной литературы. В начале шестидесятых он появился в подмосковном писательском поселке Переделкино после своей пестрой, как у Франсуа Вийона, в полных неладах с законом жизни и потому уже тогда, в поздней молодости, знал жизнь, какова она всегда была и есть, несмотря на ее разнобразную внешность. Жизнь человека — она всегда по сути жизнь библейская, где на каждую надежду и на каждую радость полной мерой отмерено всякому смертному и горя, и разочарований, и одиночества в житейской пустыне.

Собутыльник лапотных кудреев,
Я кружу — с котомкой — налегке, —
Самый беспробудный из евреев,
Мыслящих на русском языке.
Я пою дворцы моей эпохи,
Славлю тараканьи закутки:
Есть в моей котомке хлеба крохи —
Рукописей старых лоскутки.

Бывают, однако, поэтические биографии, которые своей сложностью и неотмирностью заслоняют самого поэта и его стихи. Жизнь Юрия Влодова достойна пера Достоевского или Астафьева, но для меня как читателя его стихов она — далеко не главное. По словам самого Влодова, он ушел из блатного мира, потому что его потянуло «в более интересные места». Во всей этой вийоновской пестроте, в которой мелькает и дальше родство с одесским Мишкой Япончиком, и близкое знакомство с Чуковским и Пастернаком, и совсем уж неприкаянное бездомье в советской действительности, видится и чувствуется одно: похоже, что человеком и поэтом Юрием Влодовым всегда руководило единственное желание — желание быть подлинным, а не придуманным по чьему-то шаблону. Только свобода подлинности, куда бы она не завела в реальной жизни и среди реальных людей, дает человеку возможность быть по-настоящему откровенным душой, ибо такая откровенность — событие, а не проходной разговор случайных попутчиков.

Отверженность от «общества» могла быть выбором самого Юрия Влодова. Но его подлинная драма в том, что его, очевидно талантливого и предельно при этом искреннего поэта, отторг от себя и «более интересный» мир литературы. В те годы, когда он пришел в литературу, в ней царили поэты военного поколения и, казалось бы, ему, поэту военного детства, было в ней место. Тогда это и называлось по-военному — «попасть в обойму». Однако, при всем уважении мэтров к его незаурядному дару подлинности, никто не потеснился тогда. Это, как видно по стихам Юрия Влодова, стало ему очередным библейским уроком и навсегда определило его состояние — быть верным собственному пониманию литературы несмотря ни на что — вплоть до, словами Пастернака, «полной

гибели всерьез». Можно по-разному относиться к тому, что, по собственному признанию, он за кусок хлеба и ночлег, было, «писал за других». Во всяком случае, для него самого это могло быть доказательством того, что он умеет всё и гораздо больше, чем многие из «признанных» поэтов. То, что он на самом деле чувствовал при этом, вполне осязается из сокровенной горечи его эпиграмм и его последующих попыток ставить себе собственные поэтические задачи — например, написать цикл «Портреты». Влодов — профессионал, и у него все задуманное получается. Но когда он подпадает под единственную власть, с которой не может справиться и от которой не может отмахнуться — власть собственного дара Божьего, мороз по коже:

Я заглянул в зеркало Бытия...
Прозрачный звон слегка коснулся слуха...
Чу! — за спиной стояла побируха!
«Ты Смерть моя?» — едва промолвил я.
«Я — Жизнь твоя...» — прошамкала старуха.

Очень легко увлечься биографией Юрия Влодова и при этом не увидеть и не понять, что эта драматическая биография в отношении к его стихам важна не сама по себе, но как выстраданное право говорить о Любви к своему отечеству, не сделав из этого, как иные, профессии. Казалось бы, вся жизнь Влодова, создавшего бессмертные строки «Прошла зима, настало лето, спасибо партии за это!» давала повод присоединиться к легиону топтателей святынь в начальной кромешной бесовщине постсоветского времени, когда приблатненность стала новой обывательской модой. Но не Юрию Влодову было

следовать за модой, иначе не задавал бы он себе вопросов о смыслах и бессмыслицах бытия, искони терзающих русского человека и никак, вот ведь, не дозволяющих этому человеку стать обывателем западного типа.

Русский человек вообще не верит в смерть. Он верит в бессмертие, это бессмертие и есть его отчизна. В неистовой любви к отчизне этой и взыскует-то он не просто бессмертия, а — восторга бессмертия, абсолютной цельности бытия. Подобная цельность недостижима в цивилизации западного типа, где все расписано по полочкам, и поэтому отрицание сей «комфортной» цивилизации — это сама суть русской литературы в ее гоголевско-толстовско-достоевской традиции, где главное — полная беспредельность душевных стремлений.

Не потребительской свободы ведь жаждет человек, воспитанный на традициях русской литературы, а воли — истинного счастья и гибельного восторга воли. И кто воистину искал — знает: нет воли иначе, чем в неволе Любви.

Эта книга, которая столько лет ждала читателя, вся исполнена выстраданного света, ибо свет миру чаще всего исходил и исходит только из страдания и сострадания, и не иначе. Кто по себе знает, что такое есть человек, не станет спрощать ненавидеть или презирать людей. Сдается, что теперь — даже в нынешнее время — стихи Влодова о войне и военном детстве станут хрестоматийными гораздо быстрее, чем даже его чеканные эпиграммы и его философские стихотворения. Именно потому, что российский читатель в тоске по святыням уже испытал по такой светлой простоте, по такой естественной и бесстрашной в своей детской наивности искренности.

Бьет из пушки профессор физмата,
Как заправский какой душегуб,
И невинное облачко мата
С черно-белых срывается губ.

Орудийная смолкнет болтанка,
И оттают — потом, по весне —
Мертвый след непомерного танка
И лучистый осколыш пенсне...

Совершенно непонятно, почему эти и другие стихи Влодова не попали еще тридцать лет назад в многочисленные антологии стихов о Великой Отечественной...

Так уж, видно, написано Влодову на роду — не быть поэтом обоймы, даже если это, по определению Ю. Беликова, обойма так называемых «дикороссов», которым никакой закон, ни общественный, ни литературно-цеховой, не писан. При всем очевидном духовном родстве с Есениным и Рубцовым Влодов не попадает и в этот очерченный круг, потому что, хотел он этого или не хотел, он всегда заступал за любой круг, за любую попытку определения.

Считается, что известность — проявление справедливости к поэту. Но сами поэты да и все люди искусства знают, что известность не приходит сама в человеческое одиночество. Ее, так или иначе, нужно добиваться общением с людьми своего круга и своей профессии. А что если неукротимое стремление на волю всегда выносит человека из любого круга, из любого набора условностей, из любого общения, в котором есть хоть капля фальши? Человек, который написал «Под этим красным знаменем гореть нам синим пламенем!» не мог стать персо-

нально известным подобно Евгению Евтушенко, потому что тогда, в силу той самой справедливости, это и другие его «народные» двустихия не стали бы в такой степени фольклорной частью народного бытия.

Парадокс в том, что имя поэта отторгает его от народной стихии, ставит особняком — и это тоже цена «известности». Сколько людей поют Есенина, считая, что у песни «слова народные»? В той отрешенной собственной вечности, в которой живет всю жизнь Юрий Влодов, что предпочел бы он, будь у него выбор, — известность своих стихов или собственную известность? Таков был его жизненный крест, а уж он-то знает, что крест не выбирают.

Юрий Влодов всегда отстаивал право быть только самим собой и заслужил его. Но в этой борьбе, а то и войне с миром он заслужил еще одно, главное для поэта право — на выражение истинного, а не показного сострадания к людям и Отечеству. Тем самым людям и тому самому Отечеству, которые причинили его душе столько горя и даровали столько невыносимой в своей подлинности и горечи Любви:

Сердце зашло от вороньего плача,
Пьяненький дождь похромал.
Сивая туча — сивушная кляча —
Слепо скользит по холмам.
Я же твердил вам, бухие разины:
«Крест под собой не руби!..».
Молча курю на поминах России,
Как на поминах Любви.

«Се — человек», — помним, где это сказано. «Се — Человек», говорит и Юрий Влодов своими стихами. Не больше, но ведь и никак не меньше. Подлинная святыня, если она есть в душе, сильнее человека. Уже за доказательство этого полузабытого факта бытия должно благодарить — Бога за то, что дает человеку дар, и — человека, когда он, как настоящий поэт Юрий Влодов, вопреки всем казням судьбы осязает благотворную бесценность этого дара.

Лондон, апрель 2007

Людмила Осокина

О ВОЕННОЙ КНИГЕ ЮРИЯ ВЛОДОВА

Особое место в поэтическом наследии Юрия Влодова занимает книга стихов о войне «Летопись». Для тех, кто знаком с его творчеством, эти военные стихи могут показаться не совсем влодовскими, диссонирующими как с философско-библейской тематикой, так и с лирикой или диссидентскими стихами.

Однако отдельные стихи из военной книги всё же становились известны благодаря выступлениям поэта перед публикой. Пожалуй, самой большой популярностью пользовалось стихотворение «Жуков», кто-то даже усматривал в нем диссидентский подтекст, хотя, на мой взгляд, в «Жукове» нет таких ноток. Возможно, это стихотворение наиболее известно из-за созвучия со стихотворением Бродского «Памяти маршала Жукова», ведь изначально и у Влодова оно тоже именно так называлось, но потом, дабы избежать этой одноименности, Влодов решил сменить название. Не исключено, что оно и было написано в качестве своеобразной полемики с Бродским, — почему бы нет? Но так или иначе, из всех военных стихов именно стихотворение «Жуков» попало в фокус и стало широко известным в кругах московских литераторов, и многие считают это стихотворение очень сильным.

Именно «Жукова» упомянул в своей книге «Записки из-под полы» известный критик Евгений Сидоров. Вот что он пишет: «Поздно, только что, близко, в лоб столкнулся со стихами Юрия Влодова. Не известными диссидентским афоризмами из подполья хорош он. А стиховой отвагой,

как вот в этом портрете маршала Жукова на фоне поверженного Берлина:

Хмелеет в припадке величья,
От славы глухой и немой,
И шея лиловая, бычья
Надрезана белой каймой!

В гранитные латы его бы!
Чтоб в камне остыл, пообвык!
Хмельной похититель Европы —
Славянский распаренный бык!

Поступь стиха напоминает лермонтовский «Воздушный корабль», тут же след знаменитого античного мифа. Но какое свое, влодовское письмо, каков образ беспощадного «русского Бонапарта», в котором сквозь крестьянскую плоть вдруг оживают дух гулевого боярства и тучная, не рассуждающая стать истории! Хорошо, ничего не скажешь. И как бы ответ (вровень) известному стихотворению И. Бродского».

Книгу военных стихов пришлось составлять мне. Влодов обычно не систематизировал написанное, и свои военные стихи собрать в книгу он также не успел да, в общем, и не старался. При составлении книги мне пришлось придерживаться хронологии войны, другого варианта не было. Книгу открывают стихи о предвоенном периоде, затем идет повествование о начале войны, далее — показаны разные события долгих фронтовых лет, и наконец — окончание войны, победа. Чтобы читателю было легче ориентироваться, текст книги разбит по разделам в соответствии с этими временными этапами.

По моему мнению, тема войны очень подходит перу Юрия Влодова. Такая эпохальная трагедия, которой явилась Великая Отечественная война требовала пера большого трагика. Таким трагическим поэтом и стал Влодов, и именно в теме войны смогла проявиться вся мощь его таланта.

И хотя Влодов неоднократно подчеркивал, что написание этой книги подвигло его военное детство, но дело, я думаю, не только в этом. Несомненно, была и внутренняя потребность писать на тему войны.

В «Летописи» Влодова поступательно представлена вся картина войны, начиная с, казалось бы, легких, беспечных стихов о предвоенной жизни, но буквально между строк прочитывается замешивание чего-то страшного и неотвратимого — там, в европах.

Шипели праздничные фарши...
В Берлине взвизгивали марши! —
Вибрировал эфир.

И Сталин грыз мундштук устало
И, дабы робость не пристала,
Грузинский пил чефир.
(«Гуляло лето по европам...»)

Вот оно — предчувствие войны, напряженность, хотя еще «Гуляло лето по европам...» и все еще — «Там пастернаком и укропом / Пропахли городки».

И вся эта идиллия какое-то время еще будет длиться, пока не грянет страшная война, перемесившая судьбы миллионов людей.

Но вот на счастливое, безоблачное детство надвигается страшная мощь, что-то ужасное, жестокая, неодолимая сила.

Танки шли по Руси, придыхая...
Танки шли на восток по прямой...
И кричала дошкольница Хая:
«Мамка! Тракторы! Ой!...»
(«Танки шли по Руси, придыхая...»)

И вот уже «Мама бела, как зима», и «От деда пришла похоронка...», и «Отец упал на гребне лета...». А в тылу, где дети, женщины, старики царит холод, голод, страх и слезы. И — исчезло в одночасье детство. В стихах о начале войны — личные детские переживания поэта: «А детство где? — ищи-свищи! / Засыпано бомбежкой... («А детство где?...»), и невыносимый, особенно для мальчишки быт: «Ведро веники, пеленки, — / Мир барачный... / Где расту я, тонкий, звонкий / И прозрачный» («Ведро, веники, пеленки...»), и даже такая мечта: «Во сне я, наверно, фашиста убью — / Носатого, рыжего фрица» («Теплушки похожи на низкий закат...»).

В стихах о самой войне личное уходит и перед читателем предстают различные картины войны, так сказать, масштабный взгляд извне, но выраженный и запечатленный с такими неповторимыми деталями, что рождается ощущение сопричастности происходящему. Вот ополченец, ученый-физик, вышел защищать Москву, ему наверняка положена броня, но он добровольно идет на передний край. Только, к сожалению, одного желания мало, надо ведь еще и уметь воевать. А профессор так далек от военной от жизни, и в результате —

Орудийная смолкнет болтанка
И оттают потом, по весне,
Мертвый след непомерного танка
И лучистый осколок пенсне.
(«Бьет из пушки профессор физмата...»)

А вот стихотворение о знаменитом русском мате, с которым русские воины брали города.

Рождались в мальчиках мужчины.
Спасал Россию род мужской.
Взбухало знамя матерщины
Над медной бюргерской башкой!
(«Да, были Ожеговы, Дали...»)

Заметим, что в этом стихотворении нет ни единого нецензурного слова. Это значит, что настоящий художник слова, мастер может сказать всё, что ему нужно, не заступая за границы дозволенного. И Влодов это умел.

А на войне не бывает мелочей. От голодного бойца проку мало, и об этом не забыл поэт.

От солдатского обеда
В дни больших утрат
И бессмертье, и победа —
Всё зависит, брат!
(«Цыц! с ни аха и ни оха!..»)

И фронтовую вошь надо потравить, чтобы солдат не донимала.

От Сталинграда до Москвы
Одежки мяли с хрустом,
И посыпали густо швы
Непобедимым дустом!
(«Скосил глаза народный вождь...»)

Такие они фронтовые будни, таков солдатский быт, и Влодов выразительно показывает его в своих стихах. Потому что сражения сражениями, но на войне еще нужно просто выжить в походно-полевых условиях, невыносимых для многих. Наверно, поэтому собственно сражения в этой книге почти не показаны, да и что о них можно написать? Что бойцы палили друг в друга? Да, палили... У Влодова война показана опосредованно, через различные ситуации, положения, детали, ему важнее всего показать дух воина. И вот стихотворение «Духовой оркестр».

В необозримой курской рани
Тот марш, солдатский, духовой,
Плыл, так сказать, над полем брани,
Окутан тайной вековой...
И отступил чванливый немец,
Внезапным ужасом движим...

И этот дух непокоренности, протеста присущ даже ребенку, несмышленому мальцу, — голодный, он все равно отказывается брать у врагов конфетку:

Не возьму я вашу... эту...
Шоколадную конфету...
(«Из-за тыновых гребенок...»)

Война, война... Смертельная мясорубка, перемалывающая жизни людей. «Война — жесточайшая проба!» — пишет поэт. Страшную линию войны: *сражения — гибель — память — памятники* — Влодов сумел показать в коротком и очень сильном стихотворении:

Солдат любим седой старухой,
И молодой женой-стряпухой,
И малыши детьми...

Солдат врубился в голый пламень! —
И превратился в голый камень!
Попробуй — обними!..

Пережил народ и отступление, и неравные бои, собрал силы, и вот совершается перелом в войне, и вот он — решительный поворот на победу, на разгром врага.

Сначала вышел с ним курьез!..
И осерчал Иван всерьез! —
Он всю Европу взял на мушку...
(«Сначала вышел с ним курьез...»)

А далее и «Каунас, Таллин, Рига...». И наконец — в логове врага, «в паучьих руинах Берлина» маршал победы Жуков «на белом идет жеребце!».

И победа эта, такая долгожданная, оплаченная большой кровью, ценой миллионов человеческих жизней, поэтому победа эта «со слезами на глазах».

По моему убеждению, Влодов в этой своей военной книге является более военным поэтом, чем иные поэты-фронто-

вики. И этому есть объяснение. Поэты Великой Отечественной — как правило, бывшие фронтовики, они сами побывали на полях сражений, а кто-то прошел войну от края до края, от начала до конца, а стало быть, в их произведениях читается внутренняя вовлеченность в события, сильная эмоциональная реакция на них, которая порой мешает беспристрастному описанию происходящего.

Влодов же, с одной стороны, вовлечен в войну своими детскими впечатлениями и воспоминаниями, а с другой — отстранен от нее настолько, чтобы видеть события либо представлять их более объективно.

Влодов предлагает эпическую картину войны, а не лирическую. Его взгляд на происходящее не изнутри, а как бы со стороны, извне, может быть, с высоты птичьего полета, что помогает обозревать происходящее более масштабно. Но порой он спускается с высот и может рассмотреть и показать нам детали крупным планом, в то же время оставаясь сторонним наблюдателем. И такой прием дает удивительные результаты. Автор, как лирический герой, как участник событий, самоустраивается, а вместо него говорит война, говорит само время, сама эпоха, сама история.

Конечно, «Летопись» — в первую очередь книга о Великой Отечественной войне, но она не только о той войне, она о войне вообще, где бы, когда и какая война не происходила. В военных стихах Юрия Влодова показана суть войны, солдатского и народного подвига, суть глобальной человеческой трагедии. Думается, что такие темы и такие книги будут актуальны всегда.

ЛЕТОПИСЬ

стихи о войне

«ВОЙНА РАСПЯЛА ДЕТСТВО...»

* * *

Война распяла детство.
Оставила наследство:
Сухую емкость фраз,
Почти звериный глаз,
Сверхбдительный рассудок,
Отравленный желудок,
Горячий камень сердца
И дух единове́рца...

И нет моей вины,
Что я — поэт войны!

Гуляло лето по европам...
Там пастернаком и укропом
Пропахли городки.

И фрау — пышные, как лето,
В субботу шли на «Риголетто»,
Взбивая парики.

И натянув тугие гольфы,
Жестяно лаяли Адольфы,
Выкатывая грудь!

И присягая кружкой пива,
Густого, злого, как крапива,
Не морщились ничуть.

Шипели праздничные фарши...
В Берлине взвизгивали марши! —
Вибрировал эфир.

И Сталин грыз мундштук устало
И, дабы робость не пристала,
Грузинский пил чефир...

В Москве гулявшие матросы
Швыряли лихо папиросы
На танцевальный круг!

Послы садились в лимузины,
Стоял горячий дух резины...
Но я родился вдруг!..

Все это было... было... было...
Ты, мама, все в земле забыла:
Шекспир, мечты, семья...

На довоенном фото — в раме,
Худрук цветы подносит маме, —
Но тут родился я!

Ах, как я распахнуто сплю!
Как маму и папу люблю!
И лето гладит меня
Ладонью ушедшего дня...
Но лето не в силах помочь:
Уже вступает в права
Самая краткая ночь...
Самая белая ночь...
Как мамина голова
Месяца через два...

Купался я в лучах живого счастья!..
А мама потеряла мой значок.
Я сладко-сладко плакал от участия —
Эгоистичный, маленький сморчок.

В полудень показал язык бульдогу...
И от испуга больно ранил ногу...
И целый час дрожал, как банный лист...
Потом спросил: «А кто такой — фашист?».

Под вечер, помню, долго кушал кашу
(А мама говорит, что простоквашу...)
И гоголь-моголь или яйца всмятку...
Потом уснул. А где-то выл кобель...

Война потрянула детскую кроватку...
История качнула колыбель.

Танки шли по Руси, придыхая...
Танки шли на восток по прямой...
И кричала дошкольница Хая:
«Мамка! Тракторы! Ой!..».

Подгорала земля, что коврига
На подовом каленом листе,

И крестился пропойный расстрига:
«Иисусе Христе!..».

Круглосуточно вякали стекла,
Крались танки в туманах Руси...
И вздыхала двужильная Фекла:
«Сын родимый, спаси!».

А сыночек — румяный лицом,
В обороне залег с ружьемом,
И клубился над ним, молодым,
Трубок маршальских вдумчивый дым.

В июньский день — мороз по коже!
И все сердца — впритык.
И песня русская похожа
На оголенный штык.

Не спит, не ест Иосиф Сталин,
Уткнулся лбом в стекло.
И синий бант сестренкин, Лялин,
Войной заволокло.

Ведра, веники, пеленки —
Мир барачный...
Где расту я, тонкий, звонкий
И прозрачный.

Украду у деда Гори
Горстку сорной
И курю на кособоре
За уборной.

От веселых струй табачных,
Что от гонки,
Зазвенят в ушах прозрачных
Перепонки...

Всё толкует мне старушка —
Бабка Нина:
«Привезут тебе игрушку
Из Бярлина!..».

Но пекусь я, тонконогий,
Не о детстве:
Не отец ли на дороге?
Не отец ли?!

Теплушки похожи на низкий закат,
А низкий закат — на теплушки.
Живой паровоз, как дракон, языкат,
Соломушка вместо подушки.

Четвертые сутки наш домик ползет
На юг, на восток и на север...
Четвертые сутки больная поет
Нескладную песню про клевер.

Гнездо из соломы на нарах совью,
А доски свистят, как синица.
Во сне я, наверно, фашиста убью —
Носатого, рыжего фрица.

Зимы военных лет
Выпали полной мерой...
Греемся нашей верой, —
Другого топлива нет.

А детство где? — ищи-свищи! —
Засыпано бомбежкой...
А я в мороженые щи
Врубаюсь гнутой ложкой.

Морковный чай долблю до дна,
Железом пахнет кружка...
И с неба светит не луна,
А мерзлая горбушка.

«ВОЙНА — ЖЕСТОЧАЙШАЯ ПРОБА...»

Да, были Ожеговы, Дали,
Россия оними горда.
Но словари в гробу видали
В те рукопашные года.

В горах горящего металла
Война явила свой словарь!
В мотельном страхе трепетала
Черно-коричневая тварь!

Мы обнищали, отошали,
Осатанели, как зверье...
Зато язык обогащали, —
Славянский дух раскрепощали,
О Русь, во здравие твое!

Рождались в мальчиках мужчины.
Спасал Россию род мужской.
Взбухало знамя матерщины
Над медной бургерской башкой!

Гремела мощь неологизма! —
Ивана только растрави! —
Он шел к победе коммунизма
По локти в собственной крови!

Бьет из пушки профессор физмата,
Как заправский какой душегуб,
И невинное облачко мата
С черно-белых срывается губ.

Орудийная смолкнет болтанка,
И отгают — потом, по весне —
Мертвый след непомерного танка
И лучистый осколыш пенсне...

Скосил глаза народный вождь:
«Нужны не сказки — были.
Мы фронтовую нашу вошь,
Товарищи, забыли».

И застрочили штабники
Во все живые мочи,
И стали санпропускники
Трудиться дни и ночи.

От Сталинграда до Москвы
Одежки мяли с хрустом,
И посыпали густо швы
Непобедимым дуством!

И крякал вызванный боец
Под тем глобальным душем,
Как некий признанный борец
Под триумфальным тушем!

ДЕЙСТВО

Курносый абхазец Шапиро
Завез лицедеев на фронт.
Актеры валяли Шекспира
И брали пехоту на понт.

Вплетали глухие октавы
В литой, благородный металл,
Король без престола и славы
Зубами, как черт, скрежетал.

За кругом таился Шапиро
И знаками звал старшину,
В предчувствии легкого пира
Глотал трудовую слюну.

Как дети в сетях Образцова,
Солдаты вздыхали, скорбя,
И хлопали столь образцово,
Что выдали фрицам себя.

И вышли фашистские «тигры»
Из хвойной глуши навесной...
Иные наметились игры
На взрытой опушке лесной!

В кусты отбежала пехота
От танковых смрадных зевот...
Пехота, а жить-то охота, —
Ведь каждый для жизни живет!

А в танках откинулись люки,
И фрицы, свой страх веселя,
Втянули в реальные муки
Залетного лжекороля.

Полопались маски Шекспира,
Как в плохо продуманном сне...
Курносый абхазец Шапиро
Повис на смоленской сосне...

Но с треском — граната! другая!..
И крякнул бровастый, в крестах!..
И русскую брань изрыгая,
Пехота явилась в кустах:

«Эге! Завертелись, подлюги! —
Вруби им вязанку! — сплеча!..»
И разом захлопнулись люки,
И танки крутнулись, рыча...

Но тихо зверела пехота —
Юнцы, мужики, старики...
За гадом ползучим охота
Крепчала, судьбе вопреки!..

За дивное действие Шекспира!
За смиренного хлопца Шапиро!

Цыц! — ни аха и ни оха! —
За спиной — Москва!..
В котелке бурлит картоха,
Пучится морква...

В этой жизненной минутке,
Сладкой и немой,
Место есть солдатской шутке
И письму домой...

От солдатского обеда
В дни больших утрат
И бессмертье, и победа —
Всё зависит, брат!

Маэстро играл на рояле.
Не ждал от судьбы ничего.
Глухую угрозу ваяли
Блокадные пальцы его.

Серьезно, достойно, как надо
Ушел от житейских утех.
Три года еще канонада
Играла на клавишах тех.

Иисус Финкельштейн из местечка
За Иуду распят на кресте.
Розовеет кровавая течка
В неподдельной своей простоте...

Пост гестапо в монашеской келье.
Дрыхнет оберст, парами влеком,
Рыжеглазому Курту в похмелье
Снится ангел с российским штыком.

КУКУРУЗА

Человек
 стоит в центре
 знакомой улицы,
Вздохмаченный
 и растерзанный.
После подвала
 от света дневного
 щурится,
Смотрит испуганно
 и растерянно.

А вокруг —
 ничего
 особенно страшного:
Скрипучий журавль
 на знакомом колодце.
И — речь,
 чужая,
 смешная и странная,
И — солнце.
 Море весеннего солнца.

Перед лицом человека —
 коляска, —
 Пара запряженных вороных.
Копытами землю роют.
 Дрожат и пугливо ко́сят.

Рядом — кабаньи глазки.
 Накрахмаленный воротник.
И туша, на лбу у которой —
 эмблема: череп и кости.

Туша, как бред,
 бесформенно-грузная.
«Не юде?.. —
 так-так.
А ну сказать:
 “Ку-ку-ру-за”!»

Ни ветерка.
 Гробовое молчание.
А человек
 устал
 от усталости.
И вдруг —
 простуженный
 голос старосты:
«Да жид он,
 жидяра,
 пан начальник!
Агроном!
 Подкинули нам с института...
Что товарищ? — приходится туго?»

С утра прислали смершники
Классических писак.
Гляди, потянет в смертники
Наш замполит Исак!

Он в позе уголовника,
Вся жизнь его — пятак!
«Да, застрелил полковника!
Да, дело было так...»

А что с того полковника? —
Какой конкретный толк?!
Он был белей покойника,
Когда прижали полк.

Позорно для полковника
С плеча погоны рвать!..
И вбил Исак полковника
В тесовую кровать!..

И полк повел за Родину!
С полка смывая срам!..
Потом приставят к ордену.
Сначала — девять грамм!

Отец упал на гребне лета,
Зарыл в траву лицо.
В руке, пониже партбилета,
Гранатное кольцо...

Десятки лет! — какая малость!
Опять болит рука!..
Десятки лет не разжималась
Рука политрука.

Мама бела, как зима,
Вся уместилась в халатике.
Сгнули, что ли, солдатики?..
Все походили с ума!..

Папка! Коняшка! Отец!
Тяжко в обугленной каске —
В маске из адовой сказки
Снежный хлебать холодец?!

Снег по-военному сед.
Сжаты последние сводки.
В бешенстве, что ли, иль с водки
Плачет убогий сосед?..

От деда пришла похоронка:
Осталась от деда — воронка.
К тому же арийская раса
Решилась Можай штурмовать...
И бабку снесли на кровать
За сутки до смертного часа...
Все бредит: «Хочу танцевать!..
— О ком ты? — Поклонников масса!..
Любимый! Проклятый! Ударь!..»
Торчит на стене календарь,
А прожитый день оторвать
Больнее, чем шкуру от мяса...

Из-за тыновых гребенок
К танку выбежал ребенок.
Оживились: «Киндер! Мальчик!
Как зовут?» Ответил: «Ванчик».

Экипаж навзрыд заржал....
А малец две дули сжал:
«Не возьму я вашу... эту...
Шоколадную конфету...».

«Шнель!» — приказала История
Братцу трехлетнему, голому...
Пепел того крематория
Тихо покрыл мою голову.

И рухнул матери на грудь:
«Ты, мать, пойми — не обессудь...»

Я — робок... я крестьянский сын...
Я рос под шепоты осин...

Я знаю поле, тишину...
И я боюсь ее — войну!..»

Но оттолкнула от груди
И тихо молвила: «Иди!»

Когда он забился в сортир,
Мы поняли, кто и откуда.
И свист: «Пацанва! Дезертир!
Вылазь из уборной, паскуда!..».

Косил по-животному вдаль,
Природу собой принижая,
Под грязной шинелью — медаль.
Мы сразу решили — чужая!

Топтался за школьным двором,
Ступни непростительно голы...
А рядом — старик с топором,
Звонарь нашей маленькой школы.

Бежал, поджимая живот,
От фрица, от жалкого прусса...
И знал, что уже не живет,
Поскольку «отпраздновал труса»...

В осоке лежал мертвецом,
Сжимая позорную бритву,
И терся о влагу лицом,
И слушал ударную битву.

Но встал сапогом на судьбу!
И труса видал он в гробу!..
Прошел, будто шел против ветра,
Немыслимых полкилометра!..

Он душу тащил на горбу.

Дух перевел в окопном холодке
В хохлацком раскаленном хуторке.
Хотел — чудак — побриться (эка малость!),
Но без причины лезвие сломалось,

И зеркальце распалось на куски...
Зрачок судьбы, как жгучая иголка,
Кольнул из сердцевидного осколка,
И пули заскулили от тоски...

И наглый ворон — жирный, гулевой,
Расправил тень над рыжей головой.
Прогаркал из ничейной вышины
Тринадцатый бредовый день войны.

Солдат озлился: «Ишь! Держи живот!
Посмотрим, кто кого переживет!»

ЯЗЫК

Его поймали при обозе,
В пуховой шали, на морозе.
Он захрипел: «Рот Фронт! Камрад!... —
Ударил в грудь: — Рабочий! Брат! —
И уточнил: — Я ошень рад!..»
Тогда сказал разведчик Яша:
«Смотри, какая в мире каша!
Смотри получше, раздолбай!
Что заварил, то и хлебай!...
Рабочий?! Ух ты, перемать!..»
И финку в столб. По рукоять!..
Всемирная варилась каша
На переломном рубеже,
И пил коньяк разведчик Яша
В отбитом ночью блиндаже!
И все ломал соболью бровь!
Все врал про женскую любовь!..

КАЗНЬ ПАРТИЗАНА

Каратель попался психолог! — с приглядом! —
Друзей расстрелял, а ему:
«Молчишь? Хорошо! — и по шее прикладом. —
Ну, битте!» — и — настезь тюрьму...

Бежал... Задыхался... А в полюшке пегом
Припал партизан к валуну...
И, словно подранок, присыпанный снегом,
По-сучьи завыл на луну...

Встал над пропастью войны.
Кудри нежные — льняны.
Пропасть!.. Нет назад пути...
Крылья есть — добро! — взлети!

Когда на окровавленной шинели
Внесли бойца с разбитой головой,
Засушенную веточку сирени
Нашли в его тетради голубой.

Два черно-бурых, бисерных куплета
Расплылись по кровавому листу:
«Люблю тебя, изменчивая Света,
За Вашу неземную красоту!..».

И пробурчал начальник медсанбата:
— А что сирень? Сирень не виновата.

Сгорел в подбитом старом танке,
Останки вылизал огонь...
И мать на дальнем полустанке
В сундук поставила гармонь...
И прикорнула на лежанке,
Фитиль убавила на треть...
И снова сын в горящем танке!
Все сто ночей ему гореть!..
И тысячу ночей гореть!..
Ни отдохнуть, ни умереть!

Солдат любим седой старухой,
И молодой женой-стряпухой,
И малыши детьми...

Солдат врубился в голый пламень! —
И превратился в голый камень!
Попробуй — обними!..

Окружение... Свалка... Плен...
Кожа, стесанная с колен...
Автоматчики, псы, конвой...
А усталость — хоть волком вой!
По морозной грязи — босой!
И она позади — с косой!
Только ветер гнусаво пел:
«Потерпите, и я терпел!»
Но бодрящий тычок в плечо:
«Слышь, товарищ, держись, ты чё?!»

В барак вселили смерть как ровню,
Чтоб страхом сбить усталость,
Швырнули душу на жаровню,
Чтоб тело пресмыкалось.

А он достал клочок бумаги
И грифеля огрызок
И написал: «Шумят овраги,
Уж первый ливень близок...».

По-сиротски смурные земли
Принакрыли ручьями шрамы.
Что ни вечер, приходят в семьи
Похоронки да телеграммы.

Чу! — рыдает слепец щербатый! —
Отчий край опоганен вором...
Чу! — летают над русской хатой
Белый аист да черный ворон...

И стучат костыли да палки,
Наподобие той считалки:
«Аты-баты, шли солдаты...».

Без вести канул в пучину войны.
Бабе оставил бредовые сны...

Черных, как уголь, четыре весны,
Грузных, соленых четыре волны...

Баба металась, ждала, стерегла...
Разом сломалась — в горячке слегла...

Жахнул победный святой фейерверк!..
Баба очнулась, но разум померк.

Встала с улыбкой на мертвом лице,
Вышла к народу в тряпичном венце,

Бровь заточила печным угольком,
Плечи покрыла небесным платком...

Взвела, топыря мосластый живот:
«Сладкой залётка в Рязани живет!..».

От полудурка к зиме понесла...
Тропка в тот хутор быльем поросла...

Дикие травы, куда ни ступи...
Был ли тот хутор в горючей степи?

Долго бродил я по этим местам,
Вроде и не было хутора там...

Столб телеграфный повис в проводах, —
Стоны уродца слышны в городах...
Срублен под корень разгульной войной,
Ныне он — маятник в прорве степной,
Ветром обглодан и градом сечен,
Где-нибудь в сумерках ухнет сычом.
Черту запродан за ломаный грош.
Как тут объедешь? И как обойдешь?
В полночь торчит он, как чертова кость! —
Конь заярится! Шарахнется гость!
Столб телеграфный, бездушный, ничей,
Хрипом и стуком пугает сычей.
Вслушайся — чу! — над былым ковылем
Время стучит костяным костылем.

Ботву рукой крушила,
Таскала в темный лаз.
И был острее шила
Ее неженский глаз.

Таскала голосила:
«Ой, все помрем зимой!
Ой, где ты, муж мой, сила,
Хваленый Митрич мой?!»

В селе шуршали слухи
(Язык-то без костей!),
Мол, видели старухи
Очкастых тех гостей.

И парашюты, вроде,
Нашел дурак Фома...
И ухали в природе
Подземные грома!..

Из леса вырывался
Фанерный «ястребок»,
Взвивался и срывался,
Как сизый голубок!

Туман белее мела
Сводил собак с ума!
Но в рупоре гремела
История сама!

И полон властной спеси,
Как сказочный титан,
И грады брал, и веси
Бессмертный Левитан!*

* Юрий Левитан — диктор Всесоюзного радио, во время Великой Отечественной войны зачитывал фронтовые сводки.

Среди ничейной полосы
Упала песня на весы.

Тот безымянный русский голос
Был как бы даже неживым.
Клонился он, как русский колос
Над полем летним, тыловым.

*«Как бы мне, рябине,
К дубу перебраться...»*

Два фронта слушали певца
И утирали пот с лица.

Война — жесточайшая проба.
Но женщина любит — до гроба!..

Сопрела солдатская роба...
А женщина любит — до гроба!..

Он вмерз в сердцевину сугроба...
А женщина любит — до гроба!..

Весна зачернела сурово...
А женщина любит — другого!

Объявилась в тылу фронтовичка.
Секретарши шипят: «Истеричка!..
Ногти желтые от махры,
Вишь, какие торчат вихры!..»

Огляделась: а Волга-то плещет! —
Словно сердце живое трепещет...
Закружилась в тиши голова...
Ей ведь, господи! — двадцать два!..

«НА ПЕРЕЛОМНОМ РУБЕЖЕ...»

Еще дымился Кремль московский,
И кремль смоленский, но уже
Расправил грудь Иван таковский
На переломном рубеже!

Еще в небесной адской смете
Чернели списки фон-горилл...
Но батальонный ангел смерти
Над спящим фюрером парил!

ДУХОВОЙ ОРКЕСТР

Всемирной бойни мясорубка
Месила черноземный фарш,
Когда стеснительно и хрупко
Взлетел над полем русский марш.

В необозримой курской рани
Тот марш, солдатский, духовой,
Плыл, так сказать, над полем брани,
Окутан тайной вековой...

И отступил чванливый немец,
Внезапным ужасом движим...
Он кто? — Ворюга! Иноземец!
А русский мир — непостижим!..

* * *

Сначала вышел с ним курьез!..
И осерчал Иван всерьез! —
Он всю Европу взял на мушку —
Наглядно, без прикрас!..
Ему б теперь — махры осьмушку,
Еще б — косушку да горбушку,
А главное — приказ!
И протопочет без запарки
В те золотые Трептов-парки!

МУЗЕЙ МОЦАРТА

...И с боем взяли тот музей,
События круша!..
А дальше что? — Толпись, глазей,
Коль в сердце есть душа...

Фигурный стол. Резной диван.
Облезлый клавесин...
Запоминай, солдат Иван,
Ткачихи Клавы сын!

МЕССА В КЁНИГСБЕРГЕ

Он — Тёркин. Он парень-рубаха!
Средь прусских нагудренных рыл
Он медленно слушает Баха
И рот, как телок, приоткрыл.

На этом, не знавшем испуга,
Беспомощно дерзком челе
Как тень отражается fuga,
Рождается мир на земле.

* * *

На соборе — профиль прусский —
Благородный Бах.
А в камнях — солдатик русский
С кровью на губах...

На руке наковка: «ИРА»,
Медное кольцо...
А всеильный Бах от мира
Отвернул лицо.

МАЙ 1944 ГОДА

Каунас, Таллин, Рига,
Бах с голубой слезой.
Сплющенная коврига
Под громовой кирзой!

Каунас. Рига. Таллин.
Красные кровь и пот.
То-то бессмертный Сталин
Красные вина пьет!

СОЛОВЕЙ

В трофейном городке
(Ну, где-нибудь на Висле)
Возник невдалеке
Росток поющей мысли, —
Славянский соловей
Породистых кровей!
Он пел — живой росток
В разрушенном квартале,
Что мир не так жесток,
Как мы тогда считали...

* * *

Цветы! — искуснейшая месть
Обугленной душе.
Цветы! — в аду, в Берлине, здесь —
Почти божественная весть...
Одна беда: нельзя их съесть
В разбитом блиндаже —
Где фронта смрадная черта,
Где вы не жрали ни черта
Четвертый день уже.

В ГОСПИТАЛЕ

Был пулей к Польше пригвожден.
И жизнью награжден.
И в новых списках утвержден,
Как заново рожден.

Лежит в палате, морщит нос.
Ну чисто — черт в раю!
И рад, что голову принес
Обритую свою.

ПОБЕДА

ЖУКОВ

В паучьих руинах Берлина
Гармоника душеньку пьет.
И снайпер Василий Калина
Чечетку залиvisto бьет.

Суворовский марш барабанный
Крошит мировую зарю!
И ветер портяночный, банный
Щекочет Европе ноздрю!

Средь редких винтовочных стуков
С российской натугой в лице,
Нафабранный выбритый Жуков
На белом идет жеребце!

При маршальском чине убогом
Он прост, как любой генерал!
Он чист перед Господом Богом!
Он сам как Всевышний карал!

В нем дух гулевого боярства!
Истории тучная статья!
Он волен создать государства
И каменным идиолом стать!

А куцый вертлявый союзник,
Коль с маху, по-русски прижать,
Подтянет казенный подгузник,
Чтоб легче к Ла-Маншу бежать!

И тот, в окружении башен,
В своем допотопном Кремле
Не так уж всемогущ и страшен
На этой победной золе!..

В паучьих руинах Берлина —
Коль вышел такой тарарам —
Хватила душа славянина
Солдатских бездонных сто грамм!

Хмелеет в припадке величья,
От славы глухой и немой,
И шея лиловая, бычья
Надрезана белой каймой!

В гранитные латы его бы!
Что в камне остыл, пообвык!
Хмельной похититель Европы —
Славянский распаренный бык!

Восход алел, как орденские планки.
Клонило в сон от свистов пулевых.
И пудренные, статные германки
Толкались возле кухонь полевых.
Им наливали в термосы баланду,
Им подавали бодрую команду,
Чтоб двигались быстрее к черпаку.
И улыбаясь, морщился раздатчик,
Волжанин, молчаливый автоматчик,
С фашистскими осколками в боку...

Друзья собрались в День Победы.
Скрипач стыдливо прячет пальцы,
А летчик — рваные ожоги.
А востроглазая медичка —
Болтушка Ньюшка, санинструктор,
Слезами рюмку наполняет
И пьет за рыжего гвардейца,
Что укатил в Тамбов, к семье...

Война прошла, как чёт и нечет...
А патефон — и рвет и мечет!..

Улетели луга,
Улетели сады и леса...
И в колодезной мгле
Холода голубые стояли.
А бечевочный змей
Навсегда уходил в небеса,
В облака, в облака,
Что снегами уже накопили.

(Ах, мамочка, милая мама!)

Пел слепой замполит
На ступенях сельмага о том,
Как под польским холмом
Закопал он глаза ледяные,
Василиса ему
Выносила казенный батон,
Опускала потом
На ладони его земляные.

(Ах, мамочка, милая мама!)

Из воды выходил
Полуночный голодный налим,
По низовьям Оки
Дымовая плутала истома.
А в глазницах у вдов,
Словно луны из голых долин,
Возникали глаза
Не дошедших до отчего дома.

Не смотри солдат слепой
Черной жабой.
Ты гуляй себе с рябой,
Потной бабой.

Посоли-ка огурец,
Кружку выдуй.
Не завидуй мне, слепец,
Не завидуй.

*И пляшут, прогибая твердь,
Две пьяных бабы — Жизнь и Смерть...*

Иван да Марья вышли из ворот.
На них глазееет весь честной народ.

Иван — хмелен! Под сердцем — ордена!
В платке трофейном юная жена.

Запела Марья... Голос так высок! —
В нем сына нерожденный голосок...

Вдова Христина — в девятнадцать лет —
Из-за плетня по-волчьи смотрит вслед.

Негнучая, прямая, как доска...
Неразлучимы счастье и тоска!..

СОСЕДИ

Две руки старшина схоронил.
Живу душу зато сохранил!

«Заходи! — не чурайся, браток!..
Посиди! — почумазим чуток...»

А сержант — при руках и ногах,
Только вроде уже в мертвяках...

«Эх, души на войне не сберечь...
Мне бы стопочку — память прижечь!..»

Две матери грозно скрестили глаза
Над безвестной солдатской могилой.
«Он — мой!..» — закричала одна
И тряхнула ограду с крестьянской немислимой силой.

«Он — мой!..» — словно эхо шепнула другая,
Прозрачные руки ломая...
Над ними шумела дубовая крона —
Душа прикарпатского мая.

Куда же вы делись,
Солдаты-солдатики?
Где встали на вечный
Солдатский покой?
Сегодня в селенье,
Под окнами, в садике,
Гуляет ознобный
Цветочный настой...

В колодце вода
Как веселая денежка,
Спокойное небо
Метет самолет...
А ваша седая
Любимая девушка
Солдатскую дочь
Под венец отдает.

Холмы да холмы,
Да столбы полосатые,
Лучи обелиска
Из талых полей...
Всё пахнут пути
Молодыми солдатами,
Шинелями пахнут
Стволы тополей...

И все же, черти, — в здравии! — в живых!
И в рядовых, и в оченно заслуженных...
Чу! — хрипотца их голосов живых,
Разноречивых, сорванных, застуженных...
И все-таки, немало их — живых,
В регалиях надраенных, затертых!..
...Так почему же мы опять — о мертвых?..

ПОРТРЕТЫ исторические зарисовки

* * *

Спросил кривой монгол,
взасос целуя стремя:
«Что видел ты во сне,
о солнечный Чингиз?!»
Но солнечный Чингиз
не глянул сверху вниз, —
Лишь сплюнул
и попал
монголу прямо в темя.
Из горла звук извлек
и в никуда изрек:

«Мне снились белолицые уроды...
Они тонули в собственной крови...»

А сам, зажмурясь,
думал о любви...
Гонец сказал:
у младшей были роды...

Воронище над битвой кружит,
Лупоглазый и цепкий, как жид,
Ожидает покуда.

А дружинник — дурак дураком! —
Пригрозил кровавым кулаком:
— Хрен дождешься, паскуда!

Рассвело. Откатился навек
Бесноватый, безмозглый набег, —
За покосы, за жито.

Ни хозяев тебе, ни гостей,
Лишь на куче мосластых костей
Ворон хохлится сыто!

Он удивился: «Ты, мой Брут?!»
Но был удар кинжала крут...
Проснулся Цезарь утром рано —
Остывшая зияла рана,
Хотелось душу отогреть!..
И он подумал: «Правый Боже!
На что же всё это похоже, —
Теперь уже — не умереть!»
А Брут задумался глубоко,
И стало Бруту одиноко,
И он подумал: «Все помрем!».
Сверкали дали голубые,
И только стражники немые
Ходили мерно под окном.

Робинзон осознал,
Что вдали не корабль, а касатка...
Заметался, заныл, заскулил на песчаной косе!..
Успокоился враз,
И вздохнул по-младенчески сладко,
И когтистой рукой рубанул:
«А-а! — идите вы все!..».

*Как побил государь
Золотую Орду под Казанью...*

Д. Кедрин

И выиграл куполами неслыханный Васька Блаженный!..
И тогда ослепили творцов, обезглавили напрочь!
Упоили сивухой, велели пожрать напоследок
И по-царски спросили: «Чего вам желательно, хамы?..»

Захрипели умельцы: «За работу, Гроза, благодарствуй!.. —
Шапки шмякнули оземь:

— Царь-гроза! Самодержец! Заступа!..»

И пошли по Руси, улыбаясь хмельно и блаженно...
Опираясь на посохи, щупали воздух ноздрями...

Ах, по головушке — тугой! —
Неслыханным жезлом!..
И целый миг трясет ногой
И пучится козлом...

Ах, по головушке — жезлом!..
С оттяжкой!.. Да сплеча!..
И оплывает под углом
Истории свеча...

Иван сморкается в полу,
Дрожит, как Вечный жид...
А русский Гамлет на полу
Расплющенный лежит.

Цари обычно — самодуры.
Царицы — просто злые дуры.
Царевны вялы, истеричны...
Зато царевичи — лиричны!

Подросток — что? — живые мощи!
Загривка нет. Ходули тощи.
Торчит косица, как лоза,
Но в клетках мечутся глаза!..

Но мировых познаний голод
Его, как зверь, скребет уже!
И назревает Петер-город
В зело лирической душе!

Прочистит глотку прусским пивом,
Мозги — британским табаком,
И, ослеплен голландским дивом,
По верфи дернет босиком.

Он — фантазер! Он Русь-голубу
Рванет за потные меха!
И вывернет ее, как шубу, —
Так что посыплется труха!..

Живуч доносчик на Руси!
Его классические перлы
Сопя читает Петер Первый
С дымучей трубкою в горсти.

Как туча грива у Петра!
На табурете сидя боком,
Он обжигает конским оком
Святого рыцаря пера!

А тот глядит ему в глаза
И мыслит преданно и смело:
«Не государево ли дело
Мир очищает, как гроза?»

Я — гражданин! И я рожден
Для процветания державы!
И для российской вечной славы
Царем и Богом утвержден!»

А царь с утра пилил, рубил,
Мятежил душу, тешил тело!
И потому сыскного дела,
Ну хоть зарежьте, не любил!

«Майн гот! И откуда морщины?
Хоть всех массажистов зови!
И нету на свете мужчины,
Достойного женской любви!

Чтоб ноженьки выгнул босые!..
Чтоб выдохнул: «Девка, молчи!..»
И сердце болит о России,
Но в это не верят врачи...»

Немецкая ноет шарманка
И маршал с личиной козла
Всё блеет: «Царица-ерманка...
Начхать ей на наши дела!..».

Как ходит бровь Екатерины!
Как иронично сдвинут рот!
Идут армейские смотрины:
Гвардейцы взяты в оборот!

Ах, нет зануднее обузы,
Оставив вдовствовать кровать,
Преображенские рейтузы
В тугом строю обозреть!

Тот славный полк Преображенский
Никои трюки не спасут,
Когда над ним вершится женский,
Не просто царский, — женский суд!

Поредел императорский чубчик.
Пыль смоленская скулы свела.
Ах, кого отпевают, голубчик,
Квазимодовы колокола?!

Проносился нездешней орбитой!
Проносил неземной ореол!
И завис над Москвой, как подбитый,
Обронивший добычу орел.

Не осталось былого азарта.
Под ногами — чужая земля.
И народ пропустил Бонапарта
На Божественный суд короля.

Строг поверженный, как монумент,
В исторический данный момент.

Он — в солдатских одеждах суровых.
Сапоги — не придумать грубей,
И Луи со ступеней дворцовых
Прошипел: «На колени, плебей!»

Поклонился Великий Солдат,
Распрявился Великий Солдат,
Резко вскинул литой подбородок.
Резко руки скрестил на груди.

Он-то слышал — живой самородок —
Как бессмертье трубит впереди!

В надежных розвальнях, в мехах,
Волконский спит, поджав коленки...
Отпрыгнул встречный впопыхах,
Вдогон этапу лупит зенки...

Осторожной пушки грохнет гром.
Тузом бубновым бита карта...
И туча в нёбушке сыром —
Как треуголка Бонапарта...

Игрок! Фанатик! Бог пространства!
Смутитель русского дворянства!
Его нечаянный палач!..
Поплачь на острове... Поплачь!..

* * *

Давыдов проснулся, горяч и по-зимнему зорок.
Спружинил в постели: «Ба! — ночью-то стукнуло сорок! —
Заносчиво фыркнул: — А хоть бы и все пятьдесят!..»
Шампанского кликнул, велел порубать поросят.

В деревню послал — притащить крепостную семнадку.
Гавриле сказал: «Наиграй-ка мне, дурень, сонатку.
Сыграй мне про то, как во снах пуще птицы летаю...
А я полежу... И о жизни былой помечтаю...»

* * *

А Дон Жуан-то, может статья,
Рыдал на чьей-нибудь груди:
«Я так хочу с тобой остаться!
На веки вечные остаться!..
Но смеху будет — пруд пруди!..».

* * *

Светильники... Гербы...
Ночные менуэты...
Осенняя земля —
Что вечная ладья!..
Как Вечные жиды
Курчавятся поэты,
Как вечный идол, прям
Земных затей судья.

«Ужо вам, писаря!
Арапы! Графоманы!..»
В стеклянной тишине:
«К барьеру, певчий трус!..»
Сквозь долгие снега
И длинные туманы —
Рабочий звон курка
И пристальное: «Ну-с!..».

Как вечные рабы
Курчавятся поэты.
Как вечный идол прав
Земных забав судья!
Светильники. Гробы.
Ночные менуэты...
А зимняя земля —
Что вечная ладья!

Весенняя земля...
Но где-то в чужедальней
Степи моей родной —
Над брэнною душой —
Играет мой кузнец
С огромной наковальней...
О сладостный кузнец,
Поэта брат меньшей!

* * *

Когда на клейкий подоконник
Зарю обронит глупый птах,
Когда пастух — сопливый конник —
Промчится с гиком на устах,

Я буду спать — башкой в тужурку,
В мышинном сене и пыли...
Но в оловянную мазурку
Вхожу я с теплой Натали...

И свечи светятся морозно!
И рыжий гений смотрит грозно!..
Ах, притча века — Натали!

Звенят браслеты грациозно,
И пахнут вольно и березно
Запястья сельские твои...

* * *

О балы мои далекие!
Колокольца снежный звон!
Неопознанные локоны
В бликах елочных окон...

Зажигали свечи чистые,
Заполняли синевою...
Полонезами лучистыми
Плыли зимы над Невой.

И на санные излучины —
В запахах милый, меховой
Опускался кто-то мученый
С эфиопской головой...

И взлетали галки снежные
Из-под санного ножа!
И была метель мятежная
Оглушительно свежа!

Светлело, а гусиное перо
Резвилось, как младенец неразумный,
И глаз косил безбожно и хитро
На этот мир — застенчивый, но шумный.

Пищала птаха, тихо зрел ранет,
Сварливый клен под окнами возился...
«Ужо тебе!» — воскликнул вдруг поэт
И кулаком чернильным погрозился.

«Ужо тебе!» — и весело со лба
Смахнул волос воинственную смуту...
Не знала Русь, что вся ее судьба
Решалась в эту самую минуту.

Монарх изрек: «Что всеу Смерть?..
Палач — для этикету... —
И пояснил: — Всё должно сметь!» —
И подмигнул поэту.

И прояснил: «Нам жизнь дана
На вящую удачу!
А тут альбом: “Взойдет она...”.
Сей стих подобен плачу!..

Уж коли глиняный колосс —
Не место быть страданью...»
И кольца пушкинских волос
Взъерошил нервной дланью...

Басы опробовала медь,
И отпрыск Ганнибала
Вскочил с колен!
Забыл про смерть!
И ждал ночного бала...

«На тебя за неделю четыре доноса! —
Потерпи, — за талант, за стихи! —
Бенкендорф не донес табакерку до носа,
Сокрущающе гаркнул: — Апчхи!»

Пушкин взвился, ощерился, фалды трубой!
Побелел негритянской тягучей губой:

«Как? Чтоб склочная бездарь поэтов чернила?! —
Разгоню, как помойных ворон!
Самой белой бумаги! Перо и чернила!
Покупайте их оптом, барон!»

— Бродяга, кто ты?
 — Я — Христос!
Чумазым бесом взвился:
 — Что-с?!
Холоп! Рванюга! Я те дам!.. —
И хлеть! — наотмашь! — по мордám!

Пиит в карету прыг бочком...
А нищий кровь утер молчком
С губы, рассеченной хлыстом...

Так Пушкин свиделся с Христом.

Слетают листья с Болдинского сада,
И свист синицы за душу берет.
А в голубых глазах у Александра
Неяркое свечение берез.

Суров арап великого Петра!
А внуку — только детские забавы...
Он засмеется белыми зубами
Под легкий скрип гусяного пера.

«Ребятюшки! Один у вас отец!..»
И на крыльце — Пугач в татарской бурке...

А на балах в гранитном Петербурге
Позванивает шпорами Дантес...

На сотни верст глухой и гулкий лес...
Тебя, Россия, твой изгнанник пишет...
Вот он умолк... А может быть, он слышит
Прощальный крик гусей из-под небес?

Она все ближе — теплая зима,
Где выстрелы как детские хлопушки,
Где в синий снег падет руками Пушкин
И из-под рук вдруг вырвется земля...

И Натали доложат: «Он убит».
Ей кто-то скажет: «Вы теперь свободны».
И с белых плеч сорвется мех соболий,
И медальон на шее задрожит.

Пробьется луч весенний золотой,
И будут бить на празднике из пушки.
И только под Михайловским в церквушке
Звонарь встревожит колокол литой...

Ну а пока — туманная пора,
Все в липкой паутине бабье лето.
И небо — в голубых глазах поэта!..
И нервный скрип гусяного пера!..

* * *

Пушкин с Гоголем сидели,
Много пили, мало ели
И, смакуя дым глотками,
Всё чадили чубуками.
Поболтать бы, да о чем? —
Лучше — ноги калачом.

Вдруг ощерился поэт:
«Тридцать лет, а проку нет!
Недоступна мне пока
Глубь родного языка! —
По листу перо бежит,
Но — споткнется, задрожит,
Что кораблик на волне...
Тайну чувствует в глубине!..»

У Великого Хохла
Бровь к пробору поползла.
Усмехнулся? — Вроде нет.
Два кивка — и весь ответ.
Поболтать бы, да о чем?
Гоголь вроде ни при чем.

* * *

Под чугунным небосводом,
Над крестьянским Черным Бродом,
Где болотом пахнет муть,
Где ночами лезет жуть,
Над безвинной русской кровью,
Над захарканной любовью
Пушкин плачет у ольхи:
Жизни нет, а что — стихи?!..

* * *

«Граф, извиняй! Слова твои пусты, —
Сморгнул денщик, топя лепеху в сале. —
Издrevле — смерть и кривда мир спасали,
А жизнь и правда прятались в кусты...»

Всё возмутилось в Левушке Толстом...
«Прочь!..» — гаркнул граф и в двери ткнул перстом...
Потом всю ночь казнил над листом...

* * *

Русский лес — домовит.
Русский воздух — молод.
Русский чай — духовит.
Русский сахар — колот.

Синь — верста за верстой,
И на целом свете
Только Фет да Толстой,
Глупые, как дети...

Дремно думает граф:
«Хорошо в покое!..
И, конечно, я прав,
Веруя в такое...

Вишь, пожаловал ферт —
Мазаны волосья!
И придумал-то — “Фет”! —
Ровно кличка песья!

Ишь, оставил задок! —
Как зайчишка прыток.
Не беда, что жидок,
А беда, что жидок!..»

Дранный графский буфет,
Борода Христова.
Желчно думает Фет,
Глядя на Толстого:

«Ах ты, старый старик, —
Домотканый гений!
Борода что парик
На потешной сцене...

Скобяной эрудит, —
Дать бы старцу лупку!
Вроде граф, а глядит
Марьюшке под юбку!..»

Жизнь — верста за верстой —
Целый век в минуте...
«Нуте-с!» — молвил Толстой.
Фет ответил: «Нуте?..»

* * *

В двери — скреб-скреб... В окна — тук-тук:
— Лев Николаич! К заутрене не пройдете?..
Вскочил босиком и гаркнул, как мощный петух:
— Да сгинь ваша церква в коровьем помете!

В ханжеском храме молитву гнутят назубок...
Поп с похмела изрыгает акустику чрева...
А в графской каморе двое — Толстой и Бог, —
Оба босые, всклокоченные от гнева!..

Слепые силуэты Петрограда...
Густой туман как дым пороховой...
А он поник белесой головой
Над столиком трактира «Эльдорадо».

Совсем не эльдорадо... Нет, не то...
Пульсирует заточенная жилка.
Роняет блики смрадная коптилка
На черное старинное пальто.

Шарманка задыхается за дверью,
Надсадно и застуженно сипит...
И деревяшка адская скрипит.
И чья-то рожа смотрит в окна зверем...

Его рука немислимо бела,
Нет, он не спит, он только стиснул веки.
Как трудно быть мужчиной в этом веке,
Когда зовут в ночи колокола!

А над кабацкой стойкой Незнакомка
Кокоткой размалеванной грустит...
А он — руками белыми хрустит,
А он смеется коротко и ломко...

Потом встает, и падает стакан,
И он ногой ступает на осколки.

И сразу в грудь ударил ветер колкий,
И двинулся над городом туман.

Он у мальчишки спросит папиросы,
А впереди — неясные, как сны,
Горят в тумане красные костры!
Шагают гулко красные матросы!

Не путайте балы и Блока.
Блок — это бублик ледяной.
И вошь тифозная. И склока
Лохматых девок за спиной.

И тьма, безлюдная, как площадь,
Где все устои нипочем.
Пьяной, дымящийся извозчик,
Весь навесной, как Пугачев.

И тихий стон. И дикий гон.
И сани валяются под вожжи.
И девять ангелов с икон
Детьми голодного Поволжья.

**ПАМЯТИ
ИННОКЕНТИЯ АННЕНСКОГО**

Клокочущий хорал
Труба переросла...
Пока я лист марал
Судьба перенесла

Твою прямую тень
За тридевять высот,
Где белый-белый день
Не меркнет круглый год.

И вещей слов хвалынь
Вливается в покой...
И плещется полынь
Над памятью людской...

А млечную сирень
Прельстила тяжесть сот,
И белый-белый день
За тридевять высот.

И тени на лугу...
И строже всех твоя...
Но замкнут я в кругу
Земного бытия!

И если тяжело
Мне станет — отзовись! —
О вечности жерло,
Прожорливая высь!

Заприметил в кафе Пастернака!..
На пути отфутболил поднос!..
И — дорвался!.. И выхаркнул: «На-ко!..»
И пульнул ему дулю под нос!

Бился... Взрыдывал пьяно и гордо,
Рвал рубаху с заломленных плеч:
«Не кобень, лошадиная морда,
Нашу кровную русскую речь!

Эх, стыдоба от Господа-Бога!
Раскалить бы секиру — да в-ж-жик!»
Бьется раненой птицей Серега —
Гениальный рязанский мужик!

«На роялях учились, пас-куда?!
А у нас отродясь ни кола!..»
И взрывается звоном посуда,
Как рязанские колокола.

Но судьба похитрее воровки:
Хочет жизнь у Сереги украсть.
И до крепкой казенной веревки
Сорок суток отмерила власть.

Цивилизованный приказчик
С хозяйским прозвищем «Проказник»
На пологого в нос ворчит.
Весь распомаженный и узкий,
Гитарой ласково журчит,
Картавя на манер французский:

*«Вся-то наша жизнюшка
Как пустой стакан...
У меня на сег'дце бг'одит
Чег'ный таг'акан...».*

Морозно хлещут струи водки!
Рагу шипит на сковородке...
Приказчик! Душка! Пей до дна!
Берет высóко и фальшиво
Гитары дряблая струна...
Ах, пшенный суп! Ну что за диво!

БАЛЛАДА О НОЧЛЕГЕ

Гой, робята! Рви на тройке!
Фордыбачь, российский сын!
Завались в суконной тройке
Хошь — в харчевню, хошь — в Торгсин!..

Время, время — прямо в темя
Бац! — навроде кирпича...
Хлоп ушами — ты уж с теми, —
Дунет шашечка сплеча!..

Хрен, капуста да печенка,
Все сегодня не зазря...
Водка, кровушка, чечетка —
Тридцать три богатыря!

«Вам бы надо б — чьи мы? чьи мы?
Ну так можем пачпорт дать...
На печи бы... на печи бы...
Нам бы надо б... нам бы спать...»

Печь высóка да калена —
Подюжей жилец сперва!
Ой, потеха! До колена
От жилетки рукава!..

«Слухай, Кузька! — не конфузь-ка!
Не помни на них пальто!»
Широка натура русська! —
Степ — и то чуток не то!..

«Так негоже при народе! —
Слышь, лежачего не бей!..»
Любит пшенку в огороде
Наш залетный воробей!..

Спит под печкой сучка Моська,
Снится ей мосол свиной.
Спит на печке странник Оська
(Ну конечно, и с женой!)...

Мает маятник судьбину...
Русь! Кладбище да труба...
Через пуцу-луговину
Продирается изба...

Под щекой у сучки Моськи
Сохнет Оськин башмачок...
Ая-яй! Не стыдно, Оська?!
Ведь не спишь ты, дурачок!..

«Здрассте! Здрассте! Нет, не сплю я...
Потому что вот — не сплю...
Вашу родину люблю я!
Нашу родину люблю!..

Почему-то лилипуты
Повставали в уголки
На кривых ножонках путы,
А в глазенках — угольки!..

Как же? — круглые недели
Чтоб ни крыши, ни угла?!
В самом деле вы хотели,
Чтобы мы как чучела?!

Извините... Мерзость... Мысли...
Просто карлики в углах...
Нам бы надо б в зябкой выси,
Чтоб на легоньких крылах!

Над ветрами колокольни,
Где зарница как нарыв! —
«Черной птицей в небо, что ли?
Три ха-ха! — какой наив!»

«Вы поймите, вы поймите,
Как я счастлив за житье!..
Ну пожалуйста, возьмите
Сердце алое мое!..»

В раннем поле, где Морозко
Машет гривушкой льняной,
От села уходит Оська
(Ну конечно, и с женой!)...

Хиленькому Осипу
До ума б дожить, —
Сколько можно сослепу
Хныкать и ханжить?

Влезет — вместе с пейсами —
На чужой диван,
Слушая, как с песнями
Ждет в ночи Иван.

Тайги сухая осыпь.
Ухмылка пахана:
«Не бзди, товарищ Осип!
Всему хана!»

Мертвее смерти в сто раз
Слепой слезы слюда...
Луна — твой вечный сторож —
Туда — сюда...

Снежинки сеет осень.
Аминь. Каюк.
Что хнычешь, бедный Осип,
Слабо — на юг?!

ЛАГЕРНАЯ БАЛЛАДА

Не оставляйте спички детям.
Плакат противопожарной охраны

Вступление

Как совы сонны и недобры воры.
Бесята смерти прыгают в кострах.
И плавают над зоной разговоры
Липучие и едкие, как страх.

В болотине увяз таежный лагерь,
Закручено сплетенье душ и тел.
Земной любви неуловимый ангел
По Северу в тот день не пролетел.

Авторитетный вор (дурачась)

— Коль нечего в паскудной зоне пить,
Пора слезами глотку окропить,
В утробу непутевую пролить их...
Эй, шмуль, канай сюда,
Ты кто? — политик?..

Поэт

Я — Мандельштам! Я — лодочник!
Безумец, настигнутый зигзагом громовым!

Спалил всю лодку огненный трезубец,
И я завис над морем гробовым!..
Не перейти пучину смерти вброд!..

Авторитетный вор

Он чокнутый! Кило печенья в рот!

Поэт

Я помню, в Петергофской колоннаде
Свистел ветров мучительный кларнет!
На Пасху я послал два слова Наде, —
Ответа нет, увы! — ответа нет!...

Гнусавый

Кого жалеть? Что есть в натуре баба? —
Всего лишь дырка, скользкая, как жаба!

Поэт

Не смейте! Это гнусно!

Авторитетный вор

Не дури.
На, лучше, самосаду подкури...

Вор-заика

Б-бабье — они как п-плохонькие лодки,
В любовной жизни н-надобно в-весло...

Гнусавый

Залить бы, что ли, валерьяном глотки,
Да так, чтобы поносом пронесло!...

Поэт

Мне страшно здесь! Лежишь во тьме барака
Как Гоголь, пробудившийся в гробу!

Гнусавый

О чем и речь? Зачем горбатым драка?
Тащи потом несчастье на горбу.

Авторитетный вор

Ты, говорят, был в должности поэта,
Что ж, растолкуй нам в рифмочку про это.

Гнусавый

Пусть пожует жиганской колбасы,
Чтоб укрепить поэтские басы.

Вор-заика

Жри, не давись. Трясется, доходяга.
Что делать? Жизнь — преподлая бодяга.

Авторитетный вор

Пожрал? Теперь натурой заплати:
Изобрази поэта во плоти!

Поэт

Извольте! Но едва ли вы поймете!
Поэзия — не кража, не грабеж!..

Авторитетный вор

Воры, считай, жемчужины в помете,
Копни навоз, авось да разгребешь!

Поэт

Поэзии божественные чары
Подобны вземному кораблю!..

Авторитетный вор

Оставь свои загадки для сучары,
А я таки созвучия люблю!...

Поэт

Забыл!.. Ах, да!..
На треснувшей иконе
С ухмылкой сатанинской полубог!..

Авторитетный вор

Поэт, навроде, тоже вор в законе! —
Живет себе, как вольный голубок!

Поэт

(читает)

*Кладбище Вселенной. Полночь души.
Могу ли во мраке расцвести я?
Незрячую землю в тишайшей глуши
На оцупь находят созвездья.*

Авторитетный вор

Не стыдно, жид! С невинными глазами
Толкаешь нам Серегу из Рязани!
Я смолоду завзятый книгочей,
Профессор ярославских уркачей!

Поэт

Есенин! Чушь! Певец святых коров!
Поэт — как луч столетий и миров!

Авторитетный вор

Цыц! Не вертись, как устрица на блюде!
Тебя, придурка, пригласили люди,
Тебя, барбоса, слушает ворье,
Так расскажи, пожалуйста, свое.

Поэт
(читает)

*И глух человеческий разум, и слеп.
Мерцают просветы скупые.
Ключицы любимой и горестный хлеб
На ощупь находят слепые.*

Авторитетный вор

Над кем смеешься, лагерная рвань?
Кого дурачишь — деревенских Вань?

Гнусавый

Поносник! Спер Серегины стишата!
Обдай его баландой из ушата!

Вор-заика

Мы для н-него п-преступники, х-хамье...

Поэт

Клянусь Надеждой, это все — мое!
Я — Мандельштам! — клейменный, именной!
Весь Петроград качался, как хмельной!
Сам Блок сказал: «Строка сечет, как розга!..».

Гнусавый

Огладь его орясиной вдоль мозга!

Вор-заика

Он полудурок, б-брось его, н-не трожь!
Б-боюсь к-кровянки, аж в к-коленках дрожь!

Авторитетный вор

Пусть не наглеет! Фраер! Тварь! Дебил!
На получи!

(Бьет.)

Вор-заика

Да ты его п-прибил!..

Авторитетный вор

Не будоражьте душу, бога ради!

Поэт

Кровь...

Умираю... Передайте Наде...

Авторитетный вор

Эй, работяги! Тут один шакал
Упал и в рай небесный ускакал!

(Ворам вполголоса)

Атас! Расход! Что приуныли, братцы?
Давай, урло, запишем жиды в святцы!

Эпилог

Где тени мертвых бродят не дыша,
Где вьюга воет лагерной сиреной,
Гори-гори одна во всей вселенной
Незрячая молочная душа.

Где, говорят, земля смешалась с небом,
Где ни ходьба негожа, ни езда
Над ледяным заокостенелым снегом
Гори-гори младенчества звезда!

Я вижу Ахматову Анну:
Безумные четки в руках,
И розы открытую рану
На черных житейских шелках.

А в медленном взгляде — бравада
И страсти тягучая мгла...
А в царственном жесте — блокада,
В которой до гроба жила.

Да, трудно, брат, работать Солженицыным, —
Косясь на окна, возвращать строку...
Так есаул, подбитый под Царицыном,
В крестьянской робе прятался в стогу.

Трещит забор под чужеродным трением,
Всю ночь визжит как резанный вокзал,
И думает Исаич: «Был бы гением,
Я б вам, хриstopродавцы, показал!..».

Н. Рубцову

Что тоскуешь, русский человек,
Над воскресной свахой-заливахой?
Ты утрись-ка, русский человек,
До пупа разодранной рубахой.

Эх, Семен! Камаринский мужик!
Милый, безобидный мужичище!
Распусти-ка лучше свой язык
Да запрячь подальше кулачище...

Далеко ли, братец, до греха,
Коли день воскресный на пределе,
Запусти-ка, братец, «петуха»,
Так чтоб бревна в стенах загудели!

*«Эх, коза! — ядрена-вошь! —
Что посеешь — то пожнешь!..
Что посеешь — то пожнешь:
Ни хрена не разберешь...»*

Эх, коза... Стекольные глаза!
Аж душа воскресшая взопрела!
Где упала шалая слеза,
Там клеенка малость прогорела.

Что тоскуешь, русский человек?
Что скрежещешь зубьями — до боли?
Все пройдет, как прошлогодний снег.
Выпьем, что ли?..

Юрий Александрович Влодов (1932—2009) родился в Новосибирске, в театральной семье. Отец его — Александр Захарович Влодов — был режиссером, мать Надежда Борисовна Надеждина — актрисой. Детство и юность поэта прошли на Украине, где он подростком пережил войну, оккупацию, затем эвакуацию в Сибирь.

Писать стихи начал рано. Но только в конце пятидесятых ему удалось попасть в писательский поселок Переделкино и показать свои сочинения Борису Пастернаку, Илье Сельвинскому, Корнею Чуковскому. Знаменитым мэтрам творчество молодого поэта пришлось по душе, и они прочили ему большое литературное будущее.

Но литературная карьера у Юрия Влодова не сложилась. Слишком острыми и необычными для того времени оказались его стихи. К некоторым из них прилепили ярлык антисоветских. Ставшие в годы тоталитарного режима крылатыми строки: «Прошла зима. Настало лето. Спасибо партии за это!» принадлежат Влодову. Какое-то время он выступал со своими бунтарскими стихами перед большими аудиториями, после чего попал в черный список, и судьба поэта была предрешена — имя и публикация его произведений на долгие годы оказались под запретом.

По возрасту Ю. Влодова можно было бы причислить к прославленному поколению поэтов-шестидесятников, но в эту громкую «обойму» он по вполне понятным причинам не попал, как, впрочем, не вошел и в другие поэтические образования. Даже в «официальном» андеграунде ему не нашлось места. Он не был связан ни с группами, ни с объединениями или

направлениями, так как «групповщину», в том числе и творческую, не любил и поэтому в литературном процессе оставался одинок. Однако если задать вопрос, к какому течению тяготело творчество Ю. Влодова, ответ — конечно, к андеграунду.

Но поэтическая палитра Юрия Влодова многопланова, разнообразна и не ограничивается только диссидентскими, сатирическими или ироническими стихами. У него много лирических, пейзажных, философских стихов и поэм. Стихотворения общей тематики поэт объединял в книги. Так, «Летопись» — книга стихов о войне, в «Портреты» вошли произведения на историческую тематику.

Главная книга Юрия Влодова называется «Люди и боги», к этой философско-библейской теме поэт обращался на протяжении всей жизни (книга вышла отдельным изданием в 2012 году, к восьмидесятилетию со дня рождения поэта, в издательстве «Время»).

В советские годы Влодов печатался редко, и не в известных литературных журналах, а в каких-либо отраслевых или региональных небольших изданиях. После перестройки ситуация изменилась мало. Правда, подборки его стихов стали появляться в таких изданиях, как «Юность», «Дружба народов», «Клуб», «Сельская молодежь», «Дети Ра», «День и ночь», «Арион», в «Литературной газете», в «Московском комсомольце», а также вошли в некоторые литературные альманахи и сборники.

Первая авторская книга «Крест» вышла в 1996 году в издательстве журнала «Юность». В 2009 году увидел свет сборник «На семи холмах», в который вошли стихотворения из разных книг.

Судьба Юрия Влодова весьма необычна, о нем еще при жизни было снято два фильма: телевизионный «Я Вам пишу, Ваше Величество» (РТР, 1992) и короткометражный черно-белый кинофильм «А гений — сущий дьявол!» (кино-видеостудия «Человек и время», 1995, режиссер Сергей Князев). В конце восьмидесятых в Пермской области на берегу речки Архиповки в окрестностях города Чусового литературным подвижником Леонардом Постниковым был создан Музей писательских судеб, в котором впоследствии появилась и экспозиция, посвященная Юрию Влодову.

О жизни и творчестве Юрия Влодова в разные годы писали Лев Озеров, Илья Сельвинский, Кирилл Ковальджи, Евгений Степанов, Евгений Лесин, Олег Хлебников, Борис Кочерга, Равиль Бухараев, Дмитрий Артис, Борис Кутенков. Много материалов написано и опубликовано пермским поэтом и журналистом Юрием Беликовым, а также вдовой поэта Людмилой Осокиной (Влодовой).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Равиль Бухараев. «Я — жизнь твоя...»</i>	5
<i>Людмила Осокина. О военной книге Юрия Влодова</i>	13

Летопись (СТИХИ О ВОЙНЕ)

«Война распяла детство...»

«Война распяла детство...»	23
«Гуляло лето по европам...»	24
«Ах, как я распахнуто сплю!...»	25
«Купался я в лучах живого счастья!...»	26
«Танки шли по Руси, придыхая...»	26
«В июньский день — мороз по коже!...»	27
«Ведро, веники, пеленки...»	28
«Теплушки похожи на низкий закат...»	29
«Зимы военных лет...»	29
«А детство где? — ищи-свищи!...»	30

«Война — жесточайшая проба...»

«Да, были Ожеговы, Дали...»	31
«Бьет из пушки профессор физмата...»	32
«Скосил глаза народный вождь...»	33
Действо	34
«Цыц! — ни аха и ни оха!...»	36
«Маэстро играл на рояле...»	37
«Иисус Финкельштейн из местечка...»	37

Кукуруза	38
«С утра прислали смершники...»	42
«Отец упал на гребне лета...»	43
«Мама бела, как зима...»	43
«От деда пришла похоронка...»	44
«Из-за тыновых гребенок...»	44
«“Шнель!” — приказала История...»	45
«И рухнул матери на грудь...»	45
«Когда он забился в сортир...»	46
«Бежал, поджимая живот...»	46
«Дух перевел в окопном холодке...»	47
Язык	48
Казнь партизана	49
«Встал над пропастью войны...»	49
«Когда на окровавленной шинели...»	50
«Сгорел в подбитом старом танке...»	50
«Солдат любим седой старухой...»	51
«Окружение... Свалка... Плен...»	51
«В барак вселили смерть как ровню...»	52
«По-сиротски смурные земли...»	52
«Без вести канул в пучину войны...»	53
«Столб телеграфный повис в проводах...»	54
«Ботву рукой крушила...»	54
«Среди ничейной полосы...»	56
«Война — жесточайшая проба...»	57
«Объявилась в тылу фронтовичка...»	58

«На переломном рубеже...»

«Еще дымился Кремль московский...»	59
Духовой оркестр	60

«Сначала вышел с ним курьез!..»	60
Музей Моцарта	61
Месса в Кёнигсберге.....	61
«На соборе — профиль прусский...».....	62
Май 1944 года.....	62
Соловей.....	63
«Цветы! — искуснейшая месть...».....	63
В госпитале	64

Победа

Жуков.....	65
«Восход алел, как орденские планки...»	67
«Друзья собрались в День Победы...».....	67
«Улетели луга...»	68
«Не смотри солдат слепой...».....	69
«Иван да Марья вышли из ворот...»	69
Соседи	70
«Две матери грозно скрестили глаза...»	70
«Куда же вы делись...»	71
«И все же, черти, — в здравии! — в живых!...».....	72

ПОРТРЕТЫ (Исторические зарисовки)

«Спросил кривой монгол...»	75
«Воронище над битвой кружит...»	76
«Он удивился: “Ты, мой Брут?!”...».....	77
«Робинзон осознал...»	77
«И выиграл куполами неслыxанный Васька Блаженный!...».....	78
«Ах, по головушке — тугой!...».....	79

«Цари обычно — самодуры...»	80
«Живуч доносчик на Руси!...».....	81
«Майн гот! И откуда морщины?...»	82
«Как ходит бровь Екатерины!...».....	83
«Поредел императорский чубчик...».....	84
«Не осталось былого азарта...»	84
«В надежных розвальнях, в мехах...»	85
«Давыдов проснулся, горяч и по-зимнему зорок...»	86
«А Дон Жуан-то, может статься...»	86
«Светильники... Гербы...».....	87
«Когда на клейкий подоконник...».....	88
«О балы мои далекие!...»	89
«Светлело, а гусиное перо...».....	90
«Монарх изрек: “Что всеу Смерть?..”»	90
«На тебя за неделю четыре доноса!...»	91
«— Бродяга, кто ты?...».....	92
«Слетают листья с Болдинского сада...».....	92
«Пушкин с Гоголем сидели...»	94
«Под чугунным небосводом...».....	95
«Граф, извиняй! Слова твои пусты...»	95
«Русский лес — домовит...»	96
«В двери — скреб-скреб... В окна — тук-тук...»	97
«Слепые силуэты Петрограда...».....	98
«Не путайте балы и Блока...».....	99
Памяти Иннокентия Анненского.....	100
«Заприметил в кафе Пастернака!...»	101
«“Зарежусь!” — объявил Есенин девке...».....	102
Нэлманская баллада	103
Баллада о ночлеге	105

«Хиленькому Осипу...»	108
«Тайги сухая осыпь...»	108
Лагерная баллада.....	109
«Я вижу Ахматову Анну...»	117
«Да, трудно, брат, работать Солженицыным...»	117
«Что тоскуешь, русский человек...».....	118
<i>Об авторе</i>	119

Литературно-художественное издание
Серия «Поэтическая библиотека»

Влодов Юрий Александрович

ЛЕТОПИСЬ

Редактирование и корректура
Лариса Спиридонова

Художественный редактор
Валерий Калныньш

Верстка
Светлана Спиридонова

16+

Подписано в печать 02.03.2015.
Формат 70x108¹/₃₂. Усл. печ. 5,6.
Бумага для ВХИ. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ №

«Время»
115326 Москва ул. Пятницкая, 25
Телефон (495) 954 1082
<http://books.vremya.ru>
e-mail: letter@books.vremya.ru

Отпечатано в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru>
e-mail: book@uralprint.ru

Солдат любим седой старухой,
И молодой женой-стряпухой,
И малыми детьми...

Солдат врубился в голый пламень! —
И превратился в голый камень!
Попробуй — обними!..

Юрий Влодов

<http://books.vremya.ru>